

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3895025>

УДК 811.161.1.06

Шевченко Т.С.

Шевченко Татьяна Сергеевна, старший преподаватель, Ставропольский государственный педагогический институт, 355029, Россия, г. Ставрополь, ул. Ленина, 417 «А». E-mail: shevchenko31569@gmail.com.

Духовный потенциал пушкинского текста как прецедентного (на примере русской эмигрантской публицистики)

Аннотация. В настоящем исследовании проведена классификация интертекстуальных вставок в сургучевской публицистике на материале 60 выявленных примеров из 24 произведений А.С. Пушкина. В статье обращение И.Д. Сургучева к наследию русской классической литературы объясняется необходимостью для автора обозначить нравственные ориентиры, выявить слагаемые стремительно меняющейся действительности «здесь и сейчас». Особо подчеркивается, что стиль И. Сургучева формировался в условиях многоязычной языковой среды на сломе эпох и на десятилетия продлил традиции дореволюционной отечественной публицистики и литературы.

Ключевые слова: интертекстуальность, прецедентный текст, И. Сургучев, А. Пушкин, эмигрантская публицистика, язык публицистики, имплицитная цитата, лейтмотив.

Shevchenko T.S.

Shevchenko Tatyana Sergeevna, Senior Lecturer, Stavropol State Pedagogical Institute, 355029, Russia, Stavropol, Lenin st., 417 «А». E-mail: shevchenko31569@gmail.com.

The ethical potential of the Pushkin text as a precedent (based on Russian emigrant journalism)

Abstract. In our research the classification of intertextual inserts in Surguchev's journalism is carried out on the material of 60 identified examples from 24 Pushkin texts. In the article, Surguchev's appeal to the heritage of Russian classical literature is explained by the need of the author to find moral guidelines, to reveal the components of the rapidly changing reality "here and now". It is especially emphasized that the style of Surguchev was formed in the conditions of a multilingual language environment on the break of epochs and extended the traditions of pre-revolutionary national journalism and literature for decades.

Key words: intertextuality, use case text, I. Surguchev, A. Pushkin, emigrant journalism, journalism language, implicit quote, keynote.

Русская эмигрантская публицистика середины XX века хранит ценности дореволюционного периода культуры России, которые на родине, ставшей социалистической, претерпевали изменения, связанные в том числе с активностью идеологической цензуры, ка-

сающейся искусства не только настоящего, но и прошлого периода. Русская литература, искусство, вообще народная, религиозная и академическая культура были для эмигранта тем нематериальным, но необходимым багажом, который позволял выжить и сохранить в себе лич-

ность в условиях, колоссально отличающихся в худшую сторону от тех, в которых они пребывали до революции.

«Парижский дневник» Ильи Дмитриевича Сургучева является одним из значимых памятников русского эмигрантского художественного слова, он выходил в годы Второй мировой войны в Париже на русском языке отдельными статьями в газете «Парижский вестник». По жанру это художественно-публицистические произведения, посвященные как проблематике истории давно прошедших дней и разных государств, так и текущим событиям планетарного масштаба. Илья Сургучев – глубоко образованный человек, обращающийся в своих текстах к разнообразным пластам мировой культуры: светской и духовной литературе, музыке, изобразительному искусству, архитектуре, театру и уже даже кино. Аллюзии и реминисценции в его публицистике отсылают, в первую очередь, к личностной культуре российской дореволюционной интеллигенции, когда начитанные, эрудированные великосветские люди понимали друг друга по полунамёкам на фразы, персонажей и ситуации из произведений мировой литературы, театра, балета и оперы, знали, помимо русского и нескольких европейских, древние языки. Темы Сургучева-полиглота и Сургучева – знатока культуры православия исследованы нами в прошлых работах [3; 4].

Настоящая статья посвящена особенностям интертекстуальности в «Парижском дневнике» Сургучева на примере одного из наиболее часто цитируемых им классиков – Александра Сергеевича Пушкина; в целом же Сургучев обращается к десяткам русских и зарубежных писателей и сотням их произведений; особенно часто – А.П. Чехов, М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой, А.С. Грибоедов, И.В. Гете. Но чаще всего – к У. Шекспиру, Н.В. Гоголю и А.С. Пушкину. Из произведений А.С. Пушкина нами выявлены отсылки к следующим: поэмы «Евгений Онегин», «Борис Годунов», «Медный всадник», «Руслан и Людмила», «Дон Жуан», «Сказка о золотом петуш-

ке», «Сказка о царе Салтане», стихотворения «Бесы», «Стансы», «Брожу ли я вдоль улиц темных...», «Поэт и толпа», «Песнь о вещем Олеге», «Вновь я посетил...», «Пробуждение», «Клеветникам России», «Я помню чудное мгновение...», «Няне», «Поэт», «Возрождение», «Сапожник», «Полтава», «Пророк», «К морю», «Два чувства дивно близки нам...». Наиболее частотны обращения к «Евгению Онегину» и «Борису Годунову».

Публицистика Сургучева интертекстуальна насквозь. Интертекстемы пронизывают различные композиционные уровни его текста: заголовки, эпиграфы, основной текст, текст в тексте, в том числе реплики персонажей. По классификации А.Д. Васильева [1], помимо непосредственно высказываний, прецедентность у Сургучева охватывает также события и имена. Интертекстемы представлены как цитатами, так и аллюзиями и реминисценциями, соответственно могут быть эксплицитными (источник, автор указаны в самом тексте) или имплицитными (определение текста-источника возможно только при совпадении культурных кодов автора и читателя). Например, имплицитной является отсылка к строкам из стихотворения А.С. Пушкина «Я помню чудное мгновение»: *Вся молодость, всё счастье, вся первая настоящая влюбленность воскресли вновь* [здесь и далее цит. по: 2]. Пример эксплицитной интертекстемы: *А помнишь пушкинский стих: «Художник-варвар кистью сонной картину гения чернит...». Картина, брат, должна быть молитвой, а разве мои теперешние картины — молитва? Нет, брат, не молитва, а товар.*

Ряд пушкинских образов играют особенно важную роль в архитектонике сургучевского текста, организуя разрозненные статьи в целостное произведение. В первую очередь, это такой сквозной образ или даже лейтмотив в публицистике И.Д. Сургучева, как пишущий летопись Пимен – центральный персонаж трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов» (1825), монах Чудова монастыря. Сургучев сравнивает себя с Пименом неоднократно. Он

считает свою миссию в своем роде пименовской: оставить для потомков летопись – «дневниковые» записи. С этим же лейтмотивом связаны повторы одних и тех же цитат: *«пыль веков от хартий отряхнув»*, *«монах трудолюбивый»* и т.д. Таким образом, пушкинские герои являются примером гражданского поведения для читателя и столетия спустя.

Другой сквозной образ – пушкинский концепт «равнодушная природа», отсылка к стихотворению А.С. Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц темных», которое оканчивается строками:

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.

К нему Сургучев обращается во многих записях «Парижского дневника»: *«...природа продолжает жить своей жизнью и сияет своею равнодушною красой. Именно равнодушной — слово это с изумительной находчивостью представил поэт»*; *«И, Боже мой, как равнодушна по отношению к нам, людям, природа!»*; *«И только равнодушная, роскошная летняя природа продолжает сиять божественной красотой»*. Таким образом, с помощью пушкинского философского концепта Сургучев осмысляет место свое и всего человечества в потоке бытия, рационализирует хаос в годы Революции и Второй мировой войны.

Не раз встречаются: *«любовь к отеческим гробам»* – концепт, приобретающий особую актуальность и переосмысление для эмигранта, *«что день грядущий нам готовит»*, *«не мудрствовать лукаво»* – общие выражения-паремии, позаимствованные из пушкинских текстов («Два чувства дивно близки нам...», «Евгений Онегин», «Борис Годунов»).

Паремизированными, но единично встречающимися в «Парижском дневнике» выражениями из Пушкина являются также такие, как *«гордый Росс»* (из стихотворения А.С. Пушкина «Клеветникам России»), *«То мореплавателю, то плотнику»* («Стансы»), *«подруга дней его суровых»* («Няне») и другие.

Только часть цитатного материала функционирует в тексте Сургучева в точном воспроизведении. Многие цитаты намеренно трансформируются для интеграции в контекст, например: *«...все флаги, прибывающие в гости по балтийским волнам»* – отсылка к строкам из поэмы «Медный всадник»:

Сюда по новым им волнам
Все флаги в гости будут к нам.

«Человек в плюшевых штанах первое время казался человеком, который забыл все глаголы, жгущие сердца людей» – трансформированная интертекстуальная аллюзия на стихотворение «Пророк» со знаменитым: *«глаголом жечь сердца людей»*.

Некоторые цитаты непреднамеренно искажаются. Так, в текст *«...он питает страсть к нумизматике и собирает медали. И тут, среди детей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней он, ибо в пылу сей страсти может пойти даже на жульничество»* включена неточная цитата из стихотворения А.С. Пушкина «Поэт», вместо *«и меж»* написано *«среди»*:

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Цитаты могут быть маркированными – выделенными либо кавычками, либо стилистически (контраст книжного стиля и нейтрального; силлабо-тонический случайный ритм в контексте прозы), иногда с указанием источника, или немаркированными. Порой в одном контексте соединяются оба способа: *«Нет, опять поднялось вьюжное кружало, опять завертелась карусель, дует, плюет на меня, вот теперь «в овраг кидает одичалого коня»* – немаркированная и маркированная цитаты из стихотворения А.С. Пушкина «Бесы». Пример немаркированной цитаты из «Евгения Онегина»: *«...коту невероятно трудно расста-*

ваться с насиженными местами, у кот-
тов нет охоты к перемене мест».

Пушкинская всепроникающая мягкая ирония находит продолжение в сургучевском тексте. Многие цитаты используются для создания ироничной тональности, при характеристике героев и ситуаций: *Кругом — племя молодое, незнакомое и диковатое* (из «Вновь я посетил»); *В голове старого солдата мчатся тучи, вьются тучи. Он гордо ждет* («Бесы»); *А хозяин этой газеты был ученый малый, но педант* («Евгений Онегин»); *Начинает понемножку шуметь очередь, собирающаяся ни свет ни заря у рыбной лавки. Встает купец, идет разносчик... Купцы теперь встают с большой прохладцей: им некуда больше спешить* («Евгений Онегин»); *Недостаток интереса у опустившейся публики. Печной горшок им важнее — в нём пищу ты себе варишь. И это понятно* («Поэт и толпа») и т.д.

Лишь некоторые интертексты, в том числе пушкинские, используются Сургучевым ради пафоса, а не с целью создания иронии: *Сегодня, только что, закончилась страница истории французского народа, и что день грядущий ему готовит — никто не знает; Всё оказалось сном — и действительность — вот эта Тузла, арестантские бараки, арестантский, короля английского, паек, — и что день грядущий мне готовит?* — сквозная цитата (из «Евгения Онегина»), играющая важную роль в обозначении проблематики произведения; *По ночам снятся (если удастся заснуть) новые сны из старых вариаций: давно почившие отцы и братья, давно умершие любимые женщины, рысаки, бравшие призы на столичных ипподромах, названия старых любимых газет <...>. Мечты, мечты, где ваша сладость?»* («Пробуждение»).

Благодаря принципиальной цитатности проза Сургучева имеет особый ритм — ритм стихотворений в прозе.

И. Сургучев считал Пушкина венцом не только русской культуры: «Сны, встречи, музыкальные табакерочки — и рядом визжащий, как колокол раскочи-

вающийся, знойный, в пожаре, в крови расплывающийся мир. Вдруг сорвется с оси, ахнет в межпланетное пространство, где не действуют законы притяжения — и прощай ты, Новая Деревня. Кого будет жаль? Конечно, в первую голову — Шекспира, потом — царя Соломона, потом — Джорджоне, потом — Бокаччо и, пожалуй, больше всех — Александра Сергеевича Пушкина» [2, с. 39].

Сургучев вовсе не идеализирует до-революционное прошлое своей страны, находит ошибки, анализирует вехи истории. Наследие А.С. Пушкина для него — опора в его размышлениях, и не только пушкинское литературное достояние, но и сам он как историческая фигура:

«И всё-таки мы дали России Пушкина».

Не совсем так. Вы, действительно, физически родили его, но и вы же, на тридцать седьмом году жизни, приняли все меры, чтобы убить его. ... И как рассказы Чехова вы безграмотно звали статейками, так и Пушкина вы любили иронически именовать сочинителем и диву давались, что купец Смирдин платил ему по червонцу за стих».

«Это и говорит об отсутствии культуры» [2, с. 120].

И. Сургучев ищет и находит опору в произведениях русской классики литературы, их образы и идеи являются для него этическим и эстетическим камертоном. В «Парижском дневнике» не обходится без субъективизма оценок истории настоящего момента, что вызывает бурную полемику в современном сургучевоведении. Но Сургучев имел точкой отсчета на его этической координатной оси не Вторую мировую войну, а Октябрьскую революцию, именно после нее его благополучная жизнь драматурга со всемирно известным именем, убежденного патриота потерпела крах. И мерилom исторической и общечеловеческой правды он со скрупулезностью Пимена пытается сделать устои нравственности и культуры, почерпнутые у русских классиков. Одновременно с этим те же идеи в советской идеологии подгоняются под основу

для конструкторов марксизма (например, авторы советских школьных программ по литературе отождествляют с бесами из одноименного стихотворения дореволюционную буржуазию, а для Сургучева бесы – вершители революции, поделившие его жизнь на до и после).

Таким образом, важно, но недостаточно только знать и призывать к изучению наследия великих; необходимо еще брать ответственность за интерпретацию, привязку к той или иной социальной доктрине, влияющей на ход истории и на воспитание подрастающего поколения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев А. Д. Интертекстуальность: прецедентные феномены. М.: ФЛИНТА, 2013. 343 с.
2. Сургучев И. Д. Парижский дневник. 1940–1945. Ставрополь: Товарищ, 2016. 310 с.
3. Шевченко Т. С. Полилингвизм в эмигрантской публицистике Ильи Сургучева // Научный диалог. 2017. № 8. С. 215-228.
4. Шевченко Т. С. «Ходите достойно звания вашего»: роль православной лексики и цитат в эмигрантской публицистике Ильи Сургучева (1940–1945 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. №1. С. 221-226.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Vasil'ev A. D. Intertekstual'nost': precedentnye fenomeny. M.: FLINTA, 2013. 343 s.
2. Surguchev I. D. Parizhskij dnevnik. 1940–1945. Stavropol': Tovarishh, 2016. 310 s.
3. Shevchenko T. S. Polilingvizm v jemigrantskoj publicistike Il'i Surgucheva // Nauchnyj dialog. 2017. № 8. S. 215-228.
4. Shevchenko T. S. «Hodite dostojno zvanija vashego»: rol' pravoslavnoj leksiki i citat v jemigrantskoj publicistike Il'i Surgucheva (1940–1945 gg.) // Gumanitarnye i juridicheskie issledovanija. 2018. №1. S. 221-226.

Поступила в редакцию 29.05.2020.
Принята к публикации 01.06.2020.

Для цитирования:

Шевченко Т.С. Духовный потенциал пушкинского текста как прецедентного (на примере русской эмигрантской публицистики) // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 265-269. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/Shevchenko.pdf>